Была уже глубокая ночь, когда маркиз Гу и Хуан Чжун, прихрамывая, вернулись в поместье.

Точнее, они хотели вернуться раньше, но, к сожалению, не могли двигаться в течение нескольких часов.

Когда Гу Цзиньюй увидела этих двух людей, покрытых синяками и ссадинами, она не могла не поинтересоваться: «Папа, старший охранник Хуан, что с вами случилось?»

У маркиза Гу не было лица, чтобы сказать ей правду, и он просто ответил угрюмым голосом: «Произошел несчастный случай».

Гу Цзиньюй сказала в оцепенении: «Что-то случилось с каретой? Почему произошел несчастный случай?»

Маркиз Гу взглянул на Хуан Чжуна: «Хуан Чжун был пьян, когда сел править ею».

Хуан Чжун: «…»

Почему на невиновного человека небо шлёт бедствия прямо на голову?!

Гу Цзиньюй нахмурилась и спросила: «Старший охранник Хуан, почему ты пил?»

Хуан Чжун взглянул на маркиза Гу: «Господин Маркиз пригласил меня выпить с ним».

Маркиз Гу: «…»

……

В этого дня в конце апреля начались десятидневные каникулы в Академии Тяньсян, и Гу Сяошунь, который уже много дней жил в комнате общежития, наконец-то, смог отправиться домой!

Хотя он не был в деревне, он знал все, что происходило дома, а если быть точным, он знал все, что знал Маленький Цзин Кун.

Главная причина заключалась в том, что они обедали втроем каждый день после того, как маленький Цзин Кун пошел в частную школу.

В частной школе маленькому Цзин Куну предоставляли каждый день обед, но в еде всегда присутствовало сало, которое последний не мог есть, поэтому Сяо Люланю приходилось приносить ему еду из дома.

Поскольку они оба были младшими братьями, не было причин брать еду только для одного.

Маленький Цзин Кун был тихим и молчаливым ребенком в частной школе, но в присутствии Гу Сяошуня он сразу же превращался в неистового болтуна, выбалтывающего все семейные дела.

Когда он впервые услышал, что Гу Цзяо была перепутанным ребенком, Гу Сяошунь был потрясен до глубины души, а когда он услышал, что молодой сын семьи маркиза переехал в дом старшей сестры, он был так потрясен, что у него пошла кругом голова!

Маленький Цзин Кун явно жаловался на Гу Яня, который внезапно появился в их доме, чтобы соперничать с ним за благосклонность, и все его слова были сказаны безнадежно мелочным тоном.

«Впрочем есть и хорошее, у тебя теперь есть своя комната, так что отныне ты можешь жить дома!»

Гу Сяошунь обрадовался.

Вообще-то, он никогда не грустил.

Гу Сяошунь не был ребенком, который будет бороться за благосклонность; его ум не был ни чувствительным, ни ранимым. Он не замечал зависти других людей.

Возможно, это было связано с условиями, в которых он рос, так как он всегда был единственным, кем пренебрегала его семья, и его сердце постепенно зачерствело, поэтому у него не развилась такая же собственническая натура, как у маленького Цзин Куна и Гу Яня.

Поэтому Маленький Цзин Кун очень высоко оценил Гу Сяошуня.

Когда они вернулись домой, Гу Сяошунь, наконец-то, встретил Гу Яня.

«Ого ...»

Маленький Цзин Кун все эти дни только и делал, что рассказывал о Гу Яне, но ни разу не обмолвился о том, как хорошо он выглядит.

Гу Сяошунь выглядел ошарашенным.

Глядя на его глупый и наивный взгляд, Гу Янь с первого взгляда определил, что Гу Сяошунь не может с ним соперничать. Гу Янь быстро решил в своем сердце, что ему не нужно отталкивать Гу Сяошуня.

Хотя он все еще продолжал завидовать последнему, что тот вырос вместе с Гу Цзяо, он также был очень благодарен за то, что тот был рядом с ней в самые одинокие дни.

Он даже принимал на себя побои за Гу Цзяо.

Это были безукоризненные дружеские отношения.

Гу Янь похлопал Гу Сяошуня по плечу с чувством братства, а затем сказал: «Отныне мы братья».

Перед тем как отпустить руку, он почувствовал, что его ладонь онемела ...

Святые яйца дрозда!

Неужели плечи этого наивного и глупого парня были сделаны из железа?

Такие твердые!

Ладонь изнеженного и избалованного с детства ребенка тут же покраснела ...

Гу Цзяо собралась принести воды.

«Цзяо Цзяо! Я тоже пойду!» Маленький Цзин Кун сразу же достал свое маленькое коромысло и крошечные ведра, подхватил их и пошел с Гу Цзяо за водой.

Гу Янь тоже захотел пойти.

На самом деле, он мог нести только маленькое коромысло и ведра маленького Цзин Куна, но это было бы слишком позорно для него, не так ли?

Гу Янь схватился обеими руками за большое ведро, стоявшее рядом с глиняным кувшином, но долго не мог поднять его.

Гу Сяошунь сказал: «Давай я сделаю это!»

Гу Янь спросил: «Ты поможешь мне сходить за водой?»

Гу Сяошунь подумал про себя: Я просто хочу взять ведро, чтобы принести воду, но раз ты так сказал, значит, все в порядке!

После этого Гу Сяошунь "помог" Гу Яню принести воды.

Он вырос в семье Гу, где привык ишачить на них. Теперь, когда ему некуда было девать свою силу, он ходил за водой, со скоростью пули!

Гу Янь смотрел, как Гу Сяошунь выливает ведро за ведром воды в глиняный кувшин, и его губы удовлетворенно кривились.

В том, что Гу Сяошунь помогал приносить ему воду, была его заслуга!

Гу Янь в одно мгновение стал воспринимать Гу Сяошуня гораздо спокойнее. Когда они сели за стол, он и маленький Цзин Кун ждали, пока Гу Цзяо разделит еду между всеми. В конце концов, остался один клубень сладкого картофеля.

«Отдай его Сяошуню!» - великодушно сказал Гу Янь.

«Угу». Маленький Цзин Кун торжественно кивнул, у него не было возражений против этого.

После еды Гу Цзяо нарезала тарелку свежих дынь и фруктов и снова в тарелке остался один лишний кусочек

Гу Цзяо больше всего боялась такой ситуации, поэтому обычно пересчитывала еду по штучно, прежде чем начинать раскладывать, но сегодня Гу Сяошунь вернулся домой и нарушил ритм еды.

Раньше между большим и маленьким ребенком возникал спор о том, кому Цзяо Цзяо должна отдать последний кусок.

Сегодня, ну ...

«Давайте отдадим его Сяошуню! Он не был дома все эти дни, он должен больше есть!» - снова щедро объявил Гу Янь.

Маленький Цзин Кун издал приглушенный звук согласия, все еще не имея своего мнения.

Гу Сяошунь тогда почувствовал, что Гу Янь был довольно милым, в отличие от того, что наплел ему маленький Цзин Кун. И в качестве вежливости, казалось, что он должен больше заботиться о нем в ответ!

Гу Сяошунь посмотрел на Гу Яня и сказал: «Ты привык жить дома?»

Он сказал слово "дом", и это очень понравилось Гу Яню, который улыбнулся: «Да, я привык к нему! Наши комнаты находятся очень близко друг к другу!»

Мы сможем видеться чаще!

«Ты живешь в задней части ...» Гу Сяошунь думал не в том же направлении, что и Гу Янь: «Так с кем же ты играл, когда меня не было?»

Вопрос поставил Гу Яня в тупик.

Гу Сяошунь снова спросил: «Чем ты занимался днем?»

Да, действительно что Гу Янь делал днем?

В последнее время Гу Цзяо была занята на горе и редко бывала дома днем. Когда она была дома, Гу Янь всегда прилипал к ней, но как быть, когда ее не было дома?

Когда маленький Цзин Кун был дома, Гу Цзяо никогда не беспокоилась о том, что он делает днем. Он был ребенком, у которого было много планов. Весь день его был расписан по часам, а в деревне у него было много друзей того же возраста. Маленький Цзин Кун мог пойти и поиграть с ними.

Старушка тоже часто оставалась дома одна, но Гу Цзяо беспокоилась о ней еще меньше.

Она могла дразнить Гоу Даня, разговаривать со свекровью Сюэ Нинсян или рассказывать деревенским жителям истории. Честно говоря, дни ее проходили намного интереснее, чем у Гу Цзяо.

Гу Янь, однако, был очень замкнутым человеком.

Ему было трудно общаться с молодыми людьми в деревне.

Он находился здесь уже несколько дней и даже не переступал порог главного входа.

Он был человеком, который ждал смерти с самого рождения, и он не был похож на маленького Цзин Куна, который мог найти себе занятие по душе, не то, чтобы он не хотел этого, просто действительно было много вещей, которые он не мог сделать.

В воздухе повисла гнетущая тишина ...

Гу Сяошунь, однако, совсем не чувствовал напряженной атмосферы.

«Тебе не скучно?»

Одно убийство!

«Вообще-то ты можешь ходить к столбам в течение дня, но ты такой худой, что не сможешь тренироваться на них».

Двойное убийство!

«У нас нет земли, чтобы ты мог что-нибудь выращивать ...»

Тройное убийство!

«И я уверен, что ты также не сможешь помогать старшей сестре по хозяйству, так как не сможешь выполнять тяжелую работу».

Четвертое убийство!

«А? Правильно! Ты такой красивый, почему бы тебе не пойти в школу?»

Пятое убийство!

Гу Янь бездушно рухнул на спинку стула!

Какое отношение привлекательная внешность имеет к учебе?

Я думал, что мы братья, а ты отвернулся от меня и нанес мне несколько ударов в спину!

Гу Янь и не думал, что такое может случиться.

Он ненавидел читать книги.

Когда он жил в столичном поместье маркиза и в горном поместье, семья приглашала для него учителя, но он либо опаздывал, либо уходил рано, а то и вовсе засыпал на уроках. У него было слабое здоровье, и учитель не смел его ругать, а не имея возможности контролировать его, в конце концов, просто бросил его учить.

В горном поместье был постоянный учитель, но общее количество уроков, которые он давал, составляли менее десяти дней в году.

В понимании Гу Сяошуня, он был бездельником!

Гу Янь, нахмурившись, посмотрел на Гу Цзяо, пытаясь сказать ей глазами: Я не хочу идти в школу, не хочу, не хочу!

Гу Цзяо не возражала против посещения школы маленьким Цзин Куном, поэтому она не стала бы возражать против посещения школы и Гу Янем, а так как состояние последнего было стабильным, у него не должно было быть проблем с учебой.

Она могла мириться со всем остальным, но школа не подлежала обсуждению.

Гу Цзяо не обратила внимания на взгляд Гу Яня: «Ты уже достаточно взрослый, тебе пора идти в школу».

Гу Янь зарычал в своем сердце: Нет! Я все еще ребенок!

Гу Цзяо и Сяо Люлань серьезно начали обсуждать учебу Гу Яня.

Гу Цзяо сказала: «Я все еще надеюсь, что он сможет оставаться рядом с тобой как можно дольше, чтобы за ним присматривали. Академия Тяньсян или частная школа маленького Цзин Куна - оба варианта хороши».

«Частная школа, я полагаю, подойдет больше», - сказал Сяо Люлань, поразмыслив.

В академию Тяньсян было нелегко попасть. Сяо Люлань, конечно, мог попросить декана Ли открыть задние ворота*, чтобы попасть внутрь, но попасть внутрь было только частью дела.

Академия Тяньсян была полна студентов с прочной основой, которые были как минимум туншэнами**, но большинство из них были сюцаями***. Темп обучения был чрезвычайно быстрым, а атмосфера напряженной. Просто Гу Сяошунь был исключением, и на него эта ситуация никогда не оказывала давление, но Гу Янь мог быть и не таким.

Гу Цзяо также предпочла частную школу. Она посмотрела на маленького Цзин Куна и спросила: «Как тебе частная школа?»

Маленький Цзин Кун ответил с серьезным лицом: «Очень хорошо! Учителя очень хорошие и талантливые! Лекции замечательные!»

Правда был один учитель, который хотел бы наказывать маленького Цзин Куна три или пять раз за день ...

Общий стандарт частной школы был не таким высоким, как в Академии Тяньсян, но в то же время учеба в ней была не такой напряженной, как в академии, что устраивало Гу Яня, который не мог выжить в условиях сильного давления.

Гу Цзяо считала, что такой расклад был идеальным!

«А ты что думаешь?» - спросила Гу Цзяо, глядя на Гу Яня.

«Могу ли я отказаться?» - слабо спросил малыш Гу.

Если бы это маркиз Гу устроил его учиться, он бы разорвал все старинные картины старика! Но он не мог позволить себе потерять самообладание с Гу Цзяо, он так сильно переживал за нее, как он мог сердиться на нее?

Гу Цзяо задумалась на мгновение и кивнула: «Тогда давай изменим постановку вопроса. Хочешь, чтобы я отвела тебя завтра в школу, или ты хочешь, чтобы твой шурин отвел тебя?»

Малыш Гу: «Чтобы ты отвела меня в школу!!!»

А? Кажется, что что-то не так с этим вопросом?

Примечание:

* - открыть задние ворота – обр.выражение - через чёрный ход; по блату;

** - туншэн - ученик при дин. Мин и Цин так называли готовящихся к конкурсным вступительным экзаменам в уездное, окружное или областное училище на степень сюцай;

*** - сюцай - первая из трёх учёных степеней в системе государственных экзаменов кэцзюй при дин. Мин и Цин.

Перевод: Флоренс

http://tl.rulate.ru/book/63867/2107170